

Джозеф Шеридан Ле Фаню Как сэр Доминик продал душу дьяволу

«Лучшие истории о привидениях»: Терра-Книжный клуб; Москва, 1998
ISBN 5-300-02237-3

Аннотация

Сэр Доминик Сарзфилд был в роду последним. Он перепробовал все известные способы развеять скуку — лошади, карты, попойки, — попал в долги и потерял интерес к жизни. Уже готовый повеситься на собственном галстуке, он встречает незнакомца, предлагающего ему выгодную сделку...

Джозеф Шеридан Ле Фаню Как сэр Доминик продал душу дьяволу

Легенда Данорана

В начале осени 1838 года неотложные заботы привели меня на юг Ирландии. Погода стояла замечательная, здешние места и народ были для меня в новинку, поэтому, отослав багаж в почтовой карете под надзором слуги, я нанял на постоялом дворе довольно бодрую клячу и, движимый любопытством первооткрывателя, не торопясь отправился в двадцатипятимильное путешествие верхом по пустынным дорогам. Живописная тропа вела меня через болота и холмы, по равнинам и перелескам, мимо извилистых ручейков и старинных замков.

Выехал со станции я далеко за полдень и, проехав чуть более половины пути, начал подумывать о короткой передышке на ближайшем постоялом дворе, дабы накормить и расседлать лошадь, да и езду не мешало бы подкрепиться.

Часов около четырех пополудни дорога, карабкавшаяся вверх по пологому склону холма, нырнула в узкую расселину, ограниченную слева обрывистыми отрогами гор, справа — темным скалистым утесом. Внизу, в долине, приютилась крохотная деревушка. Крытые

соломой хижины прятались в тени вековых буков, тоненькие дымки растопленных торфом каминов, подымавшиеся из невысоких труб, терялись в раскидистых кронах. По левую руку от меня на многие мили тянулся по отрогам гор неухоженный охотничий заповедник. Среди густой травы и папоротников вздымались серые глыбы побитых ветром, испещренных лишайниками валунов. Вокруг деревни, насколько хватало глаз, зеленые поляны на пологих склонах перемежались тенистыми рощицами, золотившимися осенней листвой. Кое-где перелески сгущались в непроходимую чашу.

Спускаясь с холма, дорога пересекает вброд неглубокий ручеек и вьется вдоль длинной ограды заповедника, выстроенной из серых необработанных камней, щедро увитых плющом. Приближаясь к деревне, сквозь прогалину в лесной чаще я заметил старинный полуразрушенный замок, притулившийся под сенью раскидистых буков на крутом живописном склоне.

Печальные заброшенные руины разожгли мое любопытство. Добравшись до убогого, крытого соломой трактира, на вывеске которого красовался святой Коламкилл в рясе и митре, с пастырем¹ в руке, я передал лошадь на попечение слуг и, как следует поужинав яичницей с беконом, погрузился в размышления о пустынном заповеднике и таинственных развалинах, после чего решил побродить с полчаса по лесной чаще.

Место это, как я узнал, называлось Даноран. Возле ворот были выстроены ступеньки для перелаза через ограду; я перебрался в заповедник и, погрузившись в приятные размышления, не торопясь, побрел сквозь густые перелески.

К заброшенному дому вела скрытая среди высокой травы тропинка, петлявшая в прозрачной тени деревьев. Ближе к дому тропа огибала обрывистое ущелье, густо заросшее орешником, карликовыми дубами и терновником. Широко распахнутые парадные двери покинутого особняка выходили прямо на сумрачный овраг, теряющийся среди вековых дубов. Могучие деревья окружали дом, грозным строем надвигаясь на заброшенные дворы и конюшни.

Я вошел в дом и огляделся. Коридоры поросли крапивой и сорняками, в полах зияли дыры, с обрушившихся балок свисали длинные плети плюща. Высокие потолки с осыпавшейся штукатуркой пестрели пятнами плесени, кое-где на стенах покачивались прогнившие панели дубовой обшивки. Окна с разбитыми стеклами тоже прятались за тенистыми побегами плюща, вокруг каминных труб кружили вороны, в темных кронах могучих деревьев, нависавших над расщелиной, наперебой галдели грачи.

Я брел по пустынному коридору, заглядывая в комнаты, но не отваживаясь заходить, потому что пол внутри прогнил и осел. Дом почти лишился крыши, и дальнейшие изыскания были делом небезопасным. Я спрашивал себя, почему такой роскошный особняк, окруженный великолепным пейзажем, был покинут в небрежении. Перед глазами проходили картины буйных пиров, устраивавшихся в замке в незапамятные времена, и мне подумалось, что, возможно, в глухую полночь по коридорам гуляют безмолвные тени давно почивших рыцарей.

Парадная лестница из крепкого дуба выдержала все удары непогоды, и, присев на отсыревшие ступени, я погрузился в досужие размышления о бренности всего сущего.

Ни единый звук, если не считать едва доносившегося грая грачей, не нарушал мертвенной тишины. Мне ни разу не доводилось испытывать столь всепоглощающего чувства отрешенности от мира. Воздух застыл в неподвижности, в пустынных коридорах не шуршал даже опавший лист. Мне стало не по себе. Дом прятался в тени раскидистых деревьев, и торжественный полумрак придавал унылым декорациям оттенок сурового великолепия.

¹ *Пастырь* — епископский знак пастырской власти крюкообразной формы. Символизирует опеку и управление паствой. Подобный «посох пастуха» был эмблемой власти правителя в Египте, Ассирии и Вавилоне, атрибутом Осириса и некоторых греческих богов. Пастырь стала также эмблемой апостолов и других христианских святых.

В таком меланхоличном настроении я с неприятным удивлением услышал возле себя скрипучий голос. Протяжно и, как мне показалось, глумливо повторял он одни и те же слова:
— Гниль и мертвечина, пища для червей. Все мы в руке Господней!

Посреди толстой стены темнело небольшое окно, заложенное кирпичом. В сумрачной нише, скрываясь в тени, сидел, болтая ногами, остролицый человек. Впившись в меня пронизательным взглядом, он цинично ухмыльнулся и, прежде чем я успел скрыть изумление, пропел насмешливый куплет:

Когда бы дьявол смерть за деньги продавал,
Богач бы вечно жил, а бедный умирал.

— Да, сэр, этот дом знавал лучшие времена, — продолжал незнакомец. — Даноран-Хауз. Принадлежал семейству Сарсфилд. Последним в роду был сэр Доминик Сарсфилд. Окончил жизнь в шести футах от того камня, где вы сидите.

С этими словами он легким прыжком соскочил на землю. Был он темнолиц, остронос, немного горбат, опирался на тяжелую трость. Концом ее он указал на бурое пятно, темневшее посреди трещин штукатурки.

— Видите эту метку, сэр? — спросил он.

— Вижу. — Я поднялся на ноги, предчувствуя, что сейчас услышу нечто интересное.

— От земли до нее футов семь или восемь, сэр. Ни в жизнь не догадаетесь, что это такое.

— Пожалуй, не догадаюсь, — ответил я. — Разве что пятно от сырости.

— Дело гораздо хуже, сэр, — с прежней циничной ухмылкой ответил горбун и заговорщически кивнул, снова указав на пятно узловатой тростью. — Это мозги с кровью. Пятну этому уже лет сто, и оно будет держаться, пока стена не развалится.

— Его убили?

— Хуже, сэр, — был ответ.

— Значит, он покончил с собой?

— Еще хуже, да охранит нас святой крест! Я, сэр, куда старше, чем выгляжу. Угадайте-ка, сколько мне лет.

Он замолчал и выжидающе взглянул исподлобья, приглашая попытать счастья.

— Что ж, попробую. Вам, должно быть, лет пятьдесят пять.

Он засмеялся и взял понюшку табаку.

— Столько, ваша честь, и еще полстолько. В прошлое сретенье семьдесят стукнуло. Глядя на меня, и не подумаете, верно?

— Ни за что бы не догадался, честное слово. До сих пор не верится. Вы, должно быть, помните, как умер сэр Доминик? — Я поднял глаза на зловещее пятно.

— Нет, сэр, это случилось задолго до того, как я родился. Но дед мой давным-давно служил в этом доме дворецким; много раз он рассказывал, как сэр Доминик встретил свою смерть. После него не было в доме хозяина. За порядком следили двое слуг, в том числе моя тетка. Я жил с ней, пока мне не стукнуло девять лет, а потом она уехала в Дублин. С тех пор дом стоит без присмотра. Ветром снесло крышу, от дождя сгнили балки, и за шестьдесят лет роскошный замок превратился в развалину. Но я его все равно люблю, люблю вспоминать старые добрые времена. Ни разу не пройду по дороге без того, чтобы заглянуть сюда. Мне, пожалуй, недолго осталось навещать старый замок — по старику давно могила плачет.

— Полно, вы еще и молодых переживете, — подбодрил я его и, оставив банальную тему, продолжил: — Не удивляюсь, что вы любите эти места. Вид замечательный, и деревья такие раскидистые.

— Видели бы вы нашу долину, когда орехи поспеют. Слаще во всей Ирландии не найдешь, — подхватил он, находя в любых красотах практическую сторону. — Оглянуться не успеете, как карманы будут полны.

— И леса вековые, дремучие, — продолжал я. — Таких красивых я нигде в Ирландии

не видал.

— Э, ваша честь, разве это леса? Когда мой отец в лакеях ходил, все окрестные горы были покрыты лесами. Самым большим был лес Мерроу-Вуд. Дубы в три обхвата, загляденье! Таких дубов нынче ни одного не осталось, все вырубили под корень. Вы, ваша честь, откуда прибыли — из Лимерика?

— Нет, из Киллалоу.

— Тогда вы, верно, проезжали то угодье, где был лес Мерроу-Вуд. Помните, сразу за Лиснавуррой в миле вверх по горе крутой утес вздымается? Вот там, неподалеку, и стоял лес Мерроу-Вуд, там-то сэр Доминик и повстречался с дьяволом, сохрани нас Господь, и не довела та встреча до добра ни его, ни весь род.

Занятная история, да еще рассказанная в столь пленительном месте, разожгла мое воображение. Мне без труда удалось вызвать нового знакомого на разговор, и вскоре маленький горбун, усевшись на прежнее место в нише заделанного окна, начал свою повесть.

— Когда сэр Доминик унаследовал это поместье, дела в нем шли на лад. Какие пиры задавались! С музыкой. Для каждого окрестного волынщика находилась крыша над головой, любого гостя приютить были рады. Вино лилось рекой, причем самое лучшее, сидра и пива — море разливанное, хоть корабли вплавь пускай, свечей горело столько, что целый город спалить можно. Вот было веселье для парней вроде меня да девчат молоденьких! Тянулись эти пиры чуть ли не все лето, пока земля от дождей не раскисала. А потом приближалась ярмарка в Оллиболли Киллудин, и волей-неволей приходилось к делу возвращаться да за скотиной ухаживать.

Но сэру Доминику и этого было мало. Нет такого способа спустить деньги, какого он не испробовал, — и пил, и в кости играл, и на скачках, и в карты. Вскоре сэр Доминик разорился, поместье пришлось заложить. На людях он делал хорошую мину, сколько мог: продал собак, лошадей, заявил всем, что едет во Францию. И верно, вскоре барин надолго исчез, и года два или три о нем ничего не было слышно. Вдруг однажды ночью, неожиданно-негаданно, раздался громкий стук в кухонное окно. Был одиннадцатый час вечера, и дворецкий Коннор Хэнлон, мой дед, сидел в одиночестве, грея у камина старые кости. Пронизывающий восточный ветер, дувший с гор, шелестел в верхушках деревьев и уныло завывал вон в той каминной трубе.

(Рассказчик бросил взгляд на близлежащую трубу.)

Спрашивая себя, не послышалось ли ему, дед встал со стула и увидел за окном лицо хозяина.

Дед мой давно не получал вестей от сэра Доминика и потому рад был видеть господина целым и невредимым. Однако к радости примешивалось и сожаление. Цветущее поместье было далеко не тем, что прежде; за домом присматривали лишь он сам да старый Джагги Бродрик, да еще конюх. Жаль было смотреть на хозяина, возвращавшегося в столь разоренную обитель.

Сэр Доминик пожал Кону руку и сказал:

— Мне нужно сказать тебе два слова. Я оставил моего коня, Дика, в стойле; может быть, он понадобится мне еще до зари, а может, никогда не понадобится.

С этими словами он вошел в кухню, пододвинул табурет и, сел у огня.

— Сядь передо мной, Коннор, и послушай мой рассказ. Скажи, не бойся, все, что думаешь.

Сэр Доминик неотрывно глядел в огонь, вытянув к теплу руки. Ясно было, что он очень устал.

— А чего мне бояться, мастер Доминик? — ответил мой дед. — Вы хозяин хороший, как и ваш отец, упокой, Господи, его душу, хоть и сорвиголова был, как и все Сарсфилды из Данорана, не в пример вам.

— Со мной все кончено, Кон.

— Типун вам на язык! — воскликнул дворецкий.

— Поздно молиться за меня, — ответил сэр Доминик. — Я потратил все до последней гинеи; очередь за поместьем. Придется его продать. Зачем я приехал, сам не знаю. Бросить последний взгляд вокруг и исчезнуть во тьме.

Сэр Доминик наказал деду в случае его смерти передать дубовую шкатулку, что хранится в чулане возле его комнаты, кухне Пэт Сарсфиду из Дублина, а шпагу и пистолеты отослать деду, что живет в Огриме, и еще много таких мелочей.

И сказал он:

— Говорят, Кон, если дьявол ночью даст тебе денег, то наутро в кошельке найдешь лишь гальку, шелуху да ореховые скорлупки. Будь я уверен, что он играет по-честному, я бы с ним нынче поторговался.

— Упаси вас Боже! — испуганно воскликнул дед и перекрестился.

— А еще говорят, по стране бродят вербовщики, что набирают солдат для французского короля. Если я наткнусь на одного из них, отказываться не стану. Давно ли мы с капитаном Уоллером дрались на дуэли в Ньюкасле?

— Шесть лет тому, мастер Доминик. Вы ему с первого выстрела бедро перебили.

— Верно, Кон, — сказал сэр Доминик. — Лучше бы он вместо того прострелил мне сердце. У тебя есть виски?

Дед открыл буфет. Хозяин плеснул в чашу немного виски и осушил одним глотком.

— Пойду взгляну на лошадей. — Сэр Доминик встал и накинул плащ. Глаза его горели безумным огнем. Ясно было, что он замыслил недоброе.

— Погодите, я сам сбегаю в конюшню и присмотрю за лошадьми, — предложил дед.

- Я не в конюшню иду, — ответил сэр Доминик. — Ладно уж, скажу, раз ты сам догадался. Пойду в охотничий заповедник. Если вернусь, через час мы с тобой увидимся. Не вздумай идти за мной следом, не то пристрелю, и на том наша дружба кончится.

Он пошел по этому самому коридору, повернул ключ в боковой двери и вышел. Ночь была лунная, холодный ветер пронизывал до костей. Дед посмотрел, как он направляется к ограде заповедника, и с тяжелым сердцем запер дверь.

Добравшись до самой глуши дремучего леса, сэр Доминик остановился и задумался о том, что делать дальше, потому что выбежал из дома, не придя ни к какому определенному решению. Виски лишь придало ему храбрости, но отнюдь не освежило голову.

Несчастный не чувствовал ледяного дыхания ветра, не боялся смерти, не думал ни о чем, кроме одного: он покрыл позором свой старинный род.

И вот что решил сэр Доминик: если по дороге не придет в голову ничего лучшего, добраться до леса Мерроу-Вуд и повеситься на шелковом галстуке на первом же дубовом суку.

Ночь стояла лунная, ясная, лишь изредка луну застилали легкие облачка. Светло было, почти как днем.

Ноги несли сэра Доминика прямо в лес Мерроу-Вуд. Ему казалось, что каждый шаг стал длиннее раза в три. Не успел он и глазом моргнуть, как очутился в дремучей чащобе, среди вековых дубов. Корни извивались под ногами, как змеи, могучие ветви переплетались над головой, точно балки порушенной крыши. Луна отбрасывала на землю причудливые тени, черные, как мой башмак.

К этому времени сэр Доминик немного протрезвел и замедлил шаг. Ему подумалось, не лучше ли будет записаться в армию французского короля — может, что-то путное из этого и выйдет.

Он хорошо знал, что жизнь отдать легко, а получить ее обратно — куда труднее.

Едва он отказался от намерения покончить с собой, как вдруг услышал на сухой земле под деревьями резкий цокот подкованных каблуков. Откуда ни возьмись перед ним вырос щеголеватый джентльмен.

Был он красив и молод, как и сам сэр Доминик, носил треугольную шляпу с золотым галуном, точно на генеральской шинели, и шитый золотом мундир французского офицера.

Незнакомец остановился прямо перед сэром Домиником. Тот тоже встал.

Джентльмены сняли шляпы и раскланялись. Незнакомец произнес:

— Сэр, я набираю войско для моего сюзерена. Вот увидите, завтра мое золото не превратится ни в гальку, ни в скорлупу.

С этими словами он вытащил большой кошель с золотом. Едва взглянув на незнакомца, сэр Доминик понял, кто он такой. Волосы у него встали дыбом.

— Не бойтесь, — продолжал тот. — Деньги вас не обожгут. Посмотрите-ка: вправду ли там золото? Если оно вам по нраву, то я готов заключить с вами договор. Сегодня последний день февраля, — продолжал щеголь. — Я буду служить вам семь лет, а по окончании этого срока вы поступаете в услужение ко мне. Я приду за вами тотчас же по истечении семи лет, как только часы пробьют полночь и наступит первая минута месяца марта. А может, не приду совсем. Вы отправитесь со мной первого марта и ни днем позже. Увидите, хозяин я добрый, да и слуга неплохой. Я повелеваю миром; мне подвластны все радости и слава земная. Договор начинается с этой минуты и истекает ровно в полночь по истечении семи лет, в таком-то году, — он назвал точную дату, но я ее позабыл. — Если вы колеблетесь, даю вам на размышление восемь месяцев и двадцать восемь дней, затем встретите меня на этом самом месте и подпишете договор. Но до тех пор я не много смогу для вас сделать. А ежели передумаете, то все, что вы получите в эти месяцы, исчезнет бесследно, и вы окажетесь с тем же, что сейчас, то есть с пустыми карманами, готовый повеситься на первом же суку.

Кончилось тем, что сэр Доминик обещал подумать. Домой он вернулся с толстым кошельком золота, круглым, как ваша шляпа.

Дед мой, разумеется, был рад снова видеть хозяина живым и здоровым. И часа не прошло — стучится сэр Доминик в окно, входит в кухню размашистыми шагами и швыряет на стол кошель с золотом. Потом расправляет спину и плечами поводит, точно скинул с плеч тяжкую ношу. И глаз с кошелька не сводит. Дед тоже смотрит то на кошелек, то на него, то опять на кошелек. Сэр Доминик побелел, как простыня, и говорит:

— Что там лежит, сам не знаю, Кон. Тяжелый, как камень.

Казалось, он боится развязывать кошель. Прежде велел деду растопить камин пожарче, торфом и углем, затем наконец решился. И что же там было? Золото, конечно, новенькие блестящие гинеи, одна к одной, сию минуту с монетного двора.

Сэр Доминик усадил деда подле себя и долго пересчитывал монеты.

Закончил он считать на рассвете. Сэр Доминик взял с деда клятву, что тот никому ни слова не расскажет. И до поры до времени сговор этот держался в глубокой тайне.

Время шло. Подошли к концу отведенные для раздумья восемь месяцев и двадцать восемь дней. Сэр Доминик с тяжким сердцем вернулся в родовое поместье, не зная, на что решиться. Ни одна живая душа, кроме деда, ни о чем не догадывалась, да и тот не знал и половины.

Близился конец октября, а с ним и назначенный срок. Сэр Доминик все больше терялся в догадках.

Поначалу он решил даже не думать о подобных вещах, не говоря уже о том, чтобы идти на встречу с незнакомцем в лес Мерроу-Вуд! Но стоило ему вспомнить о долгах, как мужество покинуло его, и несчастный транжира снова не знал, на что решиться. За неделю до назначенного дня дела пошли хуже некуда. Из Лондона пришло письмо с известием о том, что сэр Доминик выплатил триста фунтов не тому, кому нужно, и должен уплатить их снова. Другой кредитор требовал вернуть долг, о котором бедолага даже не слышал. Третий ростовщик, из Дублина, требовал срочно покрыть долг на чудовищную сумму. Сэр Доминик хорошо помнил, что рассчитался с этим кредитором, но, как назло, потерял расписку об уплате. И так далее. Неприятности сыпались, как из рога.

Словом, когда настала ночь двадцать восьмого октября, бедняга чуть не сходил с ума. Требования кредиторов росли, как снежный ком, а ответить было нечем. Оставалось разве что надеяться на помощь зловещего незнакомца.

Делать было нечего. Ступив на скользкую дорожку, приходилось идти до конца. В урочный час сэр Доминик снял с шеи распятие и ладанку с обломком истинного креста

Господня, вынул из кармана евангелие. Приняв деньги от врага рода человеческого, сэр Доминик, истовый католик, дрожал от страха и пытался любыми способами оградить себя от власти дьявола, поэтому ни днем, ни ночью не расставался с атрибутами христианской веры. Но в ту ночь он не посмел взять их с собой, поэтому, не говоря ни слова, бледный, как бумага, вложил и деду в руки, взял шляпу и шпагу и, наказав дворецкому дожидаться, отправился попытать счастья.

Ночь была тихая, светлая, луна, хоть и не такая яркая, как в прошлый раз, заливала призрачным сиянием холмы, вересковые пустоши и глухую дубраву.

Сердце сэра Доминика колотилось. Стояла мертвенная тишина, не доносился даже лай собак из деревни в долине. Трудно представить себе место более пустынное и заброшенное. То-то приятель наш страху натерпелся! Ангелы-хранители шептали ему в ухо о спасении души и о райском блаженстве. Тут бы бедняге опомниться да повернуть обратно. Позвал бы священника, покался и принял епитимью да зажил бы жизнью праведника. Да верно, долги и убытки свели несчастного с ума. Не ведал он, что творит.

Шагал он все тише, все медленнее и наконец добрался до старого дуба с раскидистыми ветвями. Остановился сэр Доминик, огляделся, и холодный пот его прошиб, по спине мурашки поползли. Из-за толстого ствола, чуть ли не рядом с локтем несчастного транжиры, вышел давешний знакомец. Радости у сэра Доминика, будьте уверены, не прибавилось.

— Значит, деньги мои вам по нраву пришлись, — молвил черт. — Но показалось мало. Ничего страшного, тратьте, сколько хотите, золота не убавится. Я сам пригляжу за вашей удачей и дам совет, где ее найти. Как только понадобится, приходите сюда, вспомните мое лицо, и я появлюсь. К концу года у вас не останется долгов ни на шиллинг. Вам неизменно будет выпадать выигрышная карта, удачный бросок, самая быстрая лошадь. По рукам?

У молодого джентльмена комок застрял в горле, волосы зашевелились на голове, но ему удалось еле слышно прошептать слова согласия. Черт протянул ему иглу и велел выдавить из руки три капли крови, собрал их в желудевую шляпку, протянул перо и продиктовал необходимые слова. Сэр Доминик ничего не понял, но записал все, что велено, на двух тоненьких полосках пергамента. Одну дьявол взял себе, другую прижал к руке сэра Доминика там, где текла кровь, и ранка мгновенно затянулась. Истинная правда, ей-богу, не вру!

Пошел сэр Доминик домой. Поджилки у него тряслись, да и как было не испугаться! Но не прошло и недели, как на сердце у нашего повесы полегчало. Еще бы! Деньги лились рекой, всякое дело шло на лад. Он быстро выпутался из долгов, выигрывал любое пари, любую игру; но при этом последний бедняк в его владениях был счастливее сэра Доминика.

Он снова взялся за старое. С деньгами вернулись все былые привычки: хозяин закупал породистых лошадей, гончих псов, задавал пирушки, где вино лилось рекой, созывал буйных приятелей. Старый особняк ходил ходуном. Говорят, сэр Доминик подумывал жениться, но, слава Богу, так и не надумал. Но душу его снедала какая-то тяжкая тревога; и вот однажды ночью, таясь от всех, он отправился в глухую дубраву. Дед мой подозревал, что несчастный сгорает от любви к некой прекрасной даме и не находит себе места от ревности. Но это были только догадки.

Вернувшись в лес на этот раз, сэр Доминик трясся от страха пуще прежнего. Он уже собирался было повернуть обратно, как из-за дерева вышел и присел на большой камень не кто иной, как его давешний знакомец. Это был уже не щеголеватый юноша в бархатном камзоле и золотых кружевах. Дьявол вырос в два раза против прежнего, одет был в лохмотья, лицо измазано сажей, в руке держал тяжеленный стальной молот весом с полцентнера, с рукояткой длиной в добрый ярд. Под деревьями было так темно, что сэр Доминик едва различал собеседника.

Дьявол поднялся. До чего же он был высок! Дед мой так и не узнал, что же на сей раз произошло между чертом и сэром Домиником. Только с тех пор сэр Доминик стал чернее ночи, не смеялся, ни с кем не разговаривал. День ото дня ему становилось все хуже. Теперь нечистый являлся к нему, когда вздумается, званный и незванный, оборачивался то одним

зверем, то другим, подкарауливал за деревьями на безлюдных тропинках, глухими ночами скакал бок о бок на коне. Наконец несчастный совсем пал духом и позвал священника.

Пастор долго пробыл у сэра Доминика, выслушал его историю и не медля поскакал за епископом. Высокопоставленный церковник дал распутнику добрый совет: бросить играть в кости, не пить, не богохульствовать, оставить дурную компанию и вести жизнь праведника вплоть до истечения семи лет. Если в назначенный срок, первого марта, когда часы пробьют двенадцать, дьявол за ним не явится, значит, несчастный свободен от уговора. Все восемь месяцев, что оставались до заветного дня, сэр Доминик жил тише воды, ниже травы, как велел епископ, блюдя себя не хуже святого отшельника.

Наутро двадцать восьмого февраля бедняга места себе не находил.

Явился приглашенный священник. Сэр Доминик с преподобным отцом сидели вон в той комнате и возносили молитвы вплоть до полуночи и еще добрый час после того. Часы пробили двенадцать, ничего не случилось. В ту ночь священник ночевал в доме сэра Доминика, в смежной комнате. Все шло как нельзя лучше; наутро оба пожали друг другу руки и расцеловались, точно боевые товарищи после битвы.

Сэр Доминик решил, что теперь-то, после долгих постов и молитв, он может позволить себе как следует повеселиться вечером и разослал слуг с поручением пригласить к ужину десяток-другой окрестных джентльменов. Его преподобие тоже остался поужинать. Ходила по кругу чаша с пуншем, вино лилось рекой. Все стало, как прежде: хозяин затеял игру в карты, в кости, целые состояния переходили из рук в руки, гости распевали песни, богохульствовали и рассказывали сальные истории, которые и слушать-то грех. Увидев, какой оборот принимает дело, священник улизнул. Незадолго до полуночи сэр Доминик, сидя во главе стола, грязно выругался и произнес:

— Такого веселого первого марта у меня еще не было.

— Сегодня не первое марта, — возразил мистер Хиффернэн из Балливорина. Он был человеком ученым и строго следил за календарем.

— А какое же? — Сэр Доминик уронил черпак в чашу с пуншем и уставился на гостя, будто у того выросло две головы:

— Двадцать девятое февраля, год-то нынче високосный, — ответил гость. В тот же миг часы пробили двенадцать раз. Дед мой, задремавший у камина в вестибюле, приоткрыл глаза и увидел перед собой коренастого здоровяка в плаще. Из-под шляпы выбивались длинные черные волосы. Стоял он вот тут, где на стену падает луч света.

(Мой горбатый собеседник указал тростью на красноватый отблеск закатного солнца. В коридоре сгустились тени.)

— Передай хозяину, — проговорил гость глубоким басом, похожим на звериный рык, — что я его жду. Пусть живей спускается.

Дед поднялся наверх по этой самой лестнице, на которой вы сидите.

— Скажи, что я сейчас не могу спуститься, — бросил сэр Доминик и повернулся к гостям. Холодный пот выступил у него на лице. — Ради Бога, джентльмены, пусть кто-нибудь выпрыгнет в окно и сбегает за священником. — Гости переглядывались, никто не знал, как поступить.

Тем временем дед мой сходил вниз, вернулся и пробормотал дрожащим голосом:

— Он говорит, сэр, если вы не спуститесь, он сам сюда поднимется.

— Не понимаю, в чем дело, джентльмены; пойду разберусь. — Сэр Доминик пытался сохранить хорошую мину при плохой игре. Вышел он из комнаты с таким видом, точно за дверью его поджидал палач, спустился по лестнице, а гости прилипли к перилам, любопытствуя, что произойдет. Дед шагал ступеньках в шести позади него. Незнакомец бросился навстречу сэру Доминику, схватил его на руки, завертел и шарахнул о стену головой. Дверь распахнулась, порывом ветра задуло свечи, пепел из камина взвился и ворохом искр рассыпался у ног чудовищного гостя.

Гости со свечами в руках ринулись вниз. Хлопнула парадная дверь. С сэром Домиником все было кончено. Слуги подняли неподвижное тело и усадили возле стены, но

он уже не дышал. Труп мгновенно остыл и окоченел.

В ту ночь старый Пэт Донован возвращался в усадьбу. Миновал он ручей, что течет поперек проезжей дороги, и вдруг шагов через пятьдесят после брода рыжий пес, что бежал подле него, завертелся на месте, перемахнул через изгородь и принялся выть так, что за милю слышно было. В ту же минуту навстречу ему, со стороны дома, показались два человека: один низенький, коренастый, другой похож фигурой на сэра Доминика, но под деревьями, где стоял Пэт, было слишком темно, и он разглядел лишь смутные тени. Прошли они бесшумно, даже шорох шагов не слышался. Пэт испуганно прижался к стене, а добравшись до замка, застал всех домашних в страшном смятении. Тело хозяина с головой, раскроенной вдребезги, лежало на этом самом месте.

Рассказчик поднялся и указал концом трости на выщербленный пол, где когда-то покоилось тело. Тем временем мгла в коридорах сгустилась, багровый отблеск заката поблек, солнце скрылось за далекими Ньюкаслскими холмами, укутав арену зловещих событий мрачными серыми сумерками.

Пожелав друг другу всего доброго, мы расстались. Небольшие чаевые были приняты без одобрения.

Когда я добрался до деревни, уже стемнело. Взошла луна. Я расседлал лошадь и окинул прощальным взглядом древний замок Даноран, где встретил злосчастную судьбу сэра Доминик, герой жутковатой легенды.